

Валерий

Скобло

ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Валерий Скобло – поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 г. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Израиль, Ирландия, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Иные берега», «Крещатик», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Юность» и многих других. Стихи для детей – в журналах «Костер», «Чиж и Еж». Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012), финалист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» (2013), дипломант литературной премии им. Анны Ахматовой (2015). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Тебе показалось, что ты одинок,
Но, что бы с тобой ни стряслось,
Тебя охраняют звезда и росток,
И птица – то вместе, то врозь.

Усилие воли – тебя уберечь –
Исходит от трав и кустов,
Хотя им не свойственны разум и речь
В твоём понимании слов.

И волк одинокий, и лист под ногой,
И ветер, и дождь, и цветы
Незримою связаны нитью с тобой
Участия и доброты.

Тебя провожают и зверь, и вода,
Снежинка, и камень, и клен...
И взгляд их осмыслен от боли всегда,
И светится жалостью он.

* * *

– Поживи с мое – узнаешь,
Сладко ль мыкаться по свету... –
Говорит он и вздыхает,
На меня глядит в упор.

Что могу ему ответить? –
Предлагаю сигарету,
Он откажется – он курит
Только верный "Беломор".

Всё мы едем – не приедем,
И куда – уже забыли,
Пассажир на верхней полке
Спит, считай, уж третий день.

По степи гуляет ветер,
Подымая вихри пыли,
Облака летят за нами,
Не отбрасывая тень.

Мы совсем, совсем пропали,
 Вся-то жизнь мне не дороже,
 Чем слепые полустанки,
 Уплывающие прочь.

Поезд медленный петляет,
 Видно, ищет счастья тоже
 И вползает незаметно
 В наплывающую ночь.

— ...Образумишься с годами... —
 Повторяет он устало...
 ...Звезды ясные в окошке...
 Он и прав, да что с того?

Может быть, и образумлюсь,
 А пока мне горя мало:
 Сладко мыкаться по свету —
 Нету слаще ничего.

* * *

До свиданья, Казахстан!
 Впечатлений мне хватало,
 Видел много — понял мало,
 И умнее я не стал.

Степь... бескрайний небосклон...
 Жаль — вернусь сюда едва ли.
 Не заметил, как забрали
 Душу в сладостный полон.

Все же ездил не напрасно:
 Легче жить, когда вдали
 Вдоволь чистого пространства
 Есть у Матери-Земли.

* * *

Почитаю роман
 при мерцающем свете,
 Не пойму, в чем там дело, черт с ним.
 Или пива спрошу
 в привокзальном буфете —
 До отъезда есть час с небольшим.

Впору мне и подумать,
 что делать с собою

И какого мне надо рожна,
 Если той, что любил,
 причинил столько боли,
 И любовь ей моя не нужна.

Если не отпускает щемящая мука
 Где-то слева у сердца, в душе,
 Так что встреча
 и горькая наша разлука
 Мало что прибавляют уже.

...Мельтешенье в окно
 протянувшихся веток,
 Неумолчный их трепет и шум...
 И, как видно, и в этот раз,
 видно, и в этот,
 Я опять ничего не решу.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

О, как обреченно и ярко
 Осенние листья горят...
 Не нужно другого подарка —
 Томите и радуйте взгляд.

Сбегая с пологого склона,
 Их счастьем и мукой горя,
 Ты видишь пылание клена
 На жгучем ветру октября.

А дальше — весь лес, как застава,
 Встает огневою стеной,
 И слышится слева и справа
 Их шорох почти жестяной.

Их шепот, знакомый до дрожи,
 Подскажет слова и размер...
 И самосожженье их тоже
 Ты выбрал себе как пример.

* * *

Когда, как говорится,
 Тому лет двадцать мимо,
 И полем, лесом, речкой
 Мы шли с тобой к разлуке

От станции к поселку,
А ветер сосны гнул, –
Душа неутомимо
Летела поверх тропки,
Улавливая чутко
Подземный страшный гул.

Тектоника эпохи,
Подвижки и разломы...
Идем, след в след ступая,
Но сдвиг коры мгновенный –
И мы на краях разных
Материковых плит.
Еще едва знакомы,
И, что нас ждет, не знаем,
И от того, что ждет нас,
Уже душа болит.

Лихое время слышит,
Как кровь шуршит под кожей,
Отчаянья и страха
Оно нам не прощает
На узенькой тропинке
Вдоль берега реки.
Гляди вперед без дрожи,
Пусть будет то, что будет.
...А впереди поселок,
Мерцают огоньки...

* * *

Какие страсти кипят там, внизу –
у пивного ларька,
Приходит жена,
пытается увести мужа,
Мужик шатается
после очередного пинка,
Здоровая баба,
и он ей зачем-то нужен.

Кажется, время остановилось
и потекло вспять,
То ли застой,
то ли хрущевская оттепель
после сталинской стужи.
Впрочем, нет:
свои надобности отправлять

Ходят не в нашу парадную, как тогда, –
а за ларьком, тут же.

Это не то, что б прогресс,
но что-то вроде того:
Ближе к природе, я бы сказал –
органичней, проще
Смотришь в глаза человеку, а у него
В зрачках отражаешься ты,
маленький, нелепый, тощий.

То ли глядишь из кухни в окно
на очередь и ларек,
То ли сам, разомлев на солнце,
стоишь за пивом,
Проходящему участковому
отдаешь честь
под несуществующий козырек,
С лицом потным,
бессмысленным и счастливым.

* * *

Нужно быть мрачным изгоем,
"Memento mori" – твердя как попка,
Не видя, как над землей и морем
Прямо в небо уходит тропка,

Названная в шутку горной дорогой.
Сады и пашни остались ниже...
Горячий камень рукой потрогай –
И ты почувствуешь: жизнь ближе.

И даже кладбище, что мы миновали,
Не наполняет мыслей ядом...
И только споткнувшись на перевале,
Сжавшимся сердцем
почувствуешь: рядом.

* * *

Взгляни на дом свой, ангел: он горит
Чадающим синим пламенем разлуки,
И двери открываются, и окна,
Забитые лет пятьдесят тому,
И женщины нехитрый скарб волочат,
Бегут, кричат, заламывают руки,
И навсегда скрываются в дыму.

Когда же смотришь в сторону другую,
 Наверное, у них там все в порядке,
 На кухне подвывают керогазы,
 И керосинки варят свой обед.
 Подумай лучше: кто, неуловимый,
 Играет с нами в этом мире в прятки
 И отвлекает от грядущих бед,

Которые случатся непременно,
 Хоть погляди на город свой,
 хоть мимо,
 Он вспыхнет, и горящий за спиною,
 Дорогу озарит тебе в ночи,
 И тем огнем душа твоя хранима.
 А о кусте горящем и Содоме
 Говорено, и скучно, и – молчи.

Сам Томас Вулф
 рукой вослед помашет...
 Над маленькой страной,
 громадным градом
 И домом в полЗемли
 на Петроградской
 В полнеба полыхает жуткий свет...
 И, ангел, подыми крыла – я рядом,
 Здесь я один, один – тебе защита,
 Взгляни на дом...
 Домой возврата нет!

ЗАМЕНА ГАЗОВОЙ КОЛОНКИ

Скажем, вот ты меняешь колонку:
 сгорела, зараза,
 Это подвиг, достойный Гомера, –
 воспой его, Муза!
 Это не по части юмора
 и не просто фраза,
 Показалась жизнь –
 не подарок богов, обуза.

И не более это смешно,
 чем разрыв селезенки,
 Чем в больницу попасть,
 где не кормят, не лечат,
 Где ни "утки", ни няnek,
 хоть подстилай пеленки...

Но замена колонки в ванной
 немногим легче.
 Главное, с ними со всеми
 нужно говорить, общаться –
 Диспетчером, мастером,
 бухгалтером, кладовщицей...
 Ты сам когда-то в стихах
 называл это счастьем,
 Ну, и дурак, лучше мышью быть
 или птицей.

Да, разрыв селезенки...
 Сам себе делай клизму,
 "Строгий постельный",
 а надо ползти до сортира...
 Предположим даже,
 ты ощущаешь в себе харизму,
 Но суета с колонкой
 меняет картину мира.

...Нет, и не птицей,
 не мышью,
 а мышью летучей,
 В темном уголке Вселенной
 висеть вниз головою,
 Без селезенки тоже живут,
 но ближних не мучай:
 Им не прожить
 без колонки с горячей водою.

Острый зазубренный край ее
 рвет тебе брюки и душу,
 Сесть с нею вместе в автобус,
 что пройти Фермопилы.
 Я совсем не боюсь умереть:
 я ведь не трушу
 Ехать до кольца. И дальше.
 Пока есть силы.

ТАНЕ

Ничего не бойся, дорогая,
 (Знаешь, эта истина легка,) –
 Вниз по шаткой лестнице сбегая,
 Поднимаясь вверх под облака.

Мы в полете. Звезды чертят знаки.
И неважно, что отсутствуют шасси, –
Ведь пока что не иссякли баки...
И – не верь, не бойся,
 не проси!

Мы уже с тобой не пионеры,
Но возможно все – Париж, Китай...
Не отчаивайся безо всякой меры,
И надежд особых не питай.

Бьется, как волна в пустом эфире,
Мысли ускользающая нить:
Ни добра, ни зла в подлунном мире
Нам никто не в силах причинить.

Жизнь уже не кажется бесценной,
Нас дорога эта привела
К запертым дверям
 другой Вселенной...
Знаешь, эта правда тяжела,

Но нельзя сказать – невыносима:
Прожили мы как-то до сих пор...
Главное – все остальное мимо –
Жизни посмотреть в глаза... в упор.

Нет причин, чтоб опускались руки,
До поры, пока, прервав ночной полет,
Винтовая лестница разлуки
Нас с тобой навеки разведет.

ПРОСТАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ну, спи... Все будет хорошо...
Потом... Когда-нибудь...
Не знаю, что тебе сказать...
Перетерпи... Забудь...

В распахнутое в ночь окно
Влетает ветерок,
Он тоже пробует тебя
Утешить парой строк.

Он занавески шевелит
Рассказами о том,

Что всем нам будет хорошо...
Когда-нибудь... потом...

Но надо до утра дожить...
Сквозняк качает дверь...
Ты спи... Все будет хорошо...
Когда-нибудь... Поверь...

Да все без пользы... что сказать? –
В чужую душу влезь...
Прости... Все будет хорошо...
Когда-нибудь... не здесь...

* * *

Я ни в чем не подобен Улиссу –
Посадил в огороде мелиссу
И слежу за ростками на грядке.
Ну, растут и растут – все в порядке.
Этот медленный взгляд за окно...
Видно, здесь мне дожить суждено,
На клочке этом в несколько соток...
И останется несколько фоток,
Где наш старенький домик – фанера,
На столе ветхий томик Гомера,
Где смотрю на мелиссу, смеясь,
Ощувив с ней чудесную связь.

МОЛЬБА

Во исполнение Высших Заветов
Стань мне опорой на тяжком пути,
Стержнем пребудь
 для духовного роста,
Пусть не тропинкой,
 пускай не ответом...

...Нет, не желает и думать об этом,
Все повторяет, что нынешним летом
Надобно яму закрыть для компоста,
Да и сморода кустится непросто –
Надо ей место другое найти.

* * *

О жизни, о смерти и так... ни о чем –
 О чем еще может поэт?
 О лире и лаврах, добытых мечом,
 В течение прожитых лет.

О подвигах, славе и прочей фигне...
 Конечно, еще о любви,
 Еще – о загубленном суетном дне,
 Ведь, как говорят, "се ля ви".

О лжи и предательстве, всякой муре,
 Набившейся в стих между строк.
 Но, в общем, о жизни, об этом ковре,
 Где смерть – это только уток.

О глупостях всяческих, вроде весны,
 О тяжести каменных плит,
 О том, что сбываются вещи сны,
 И это добра не сулит.

О том, что поэт умирает в стихе,
 О том, как тревожно ему,
 О жизни, о смерти – смешной чепухе,
 Ненужной уже никому.

* * *

В это лето на дачу ко мне
 Прилетала какая-то птаха.
 Сядет рядышком, чуть в стороне
 И внимательно смотрит без страха.

Есть не просит, но смотрит в упор,
 Не посланница и не связная...
 И сказать, что какой-то укор
 В этом взгляде?.. Не знаю, не знаю...

Я с ней даже немного болтал –
 О духовности всякой, высококом...
 Если звякал какой-то металл,
 Улетала, чирикнув с упреком.

Убирал я пилу и топор
 В тот же миг, как она появлялась.
 Вспоминаю ее – до сих пор
 Улыбаюсь. Казалось бы, малость...

Грудка желтая, бусинки глаз...
 Что-то было во встрече случайной...
 Что узнала пичуга о нас,
 Так навек и останется тайной.

* * *

Мне все же фантастически везло:
 Пусть сил и мужества
 отпущено мне мало,
 Я отбивался – отступало Зло...
 На шаг один – но все же отступало.
 Я страсть не встретил,
 чтоб сожгла дотла,
 Чтоб вспоминал
 остаток жизни, плача...

Ну, а любовь, мне кажется, была.
 И даже это, в общем-то, удача.

Не все, чего хотел, в пути достиг,
 Не все успею – думаю без боли.
 Но шанс у всех на чудо невелик –
 И от такой не откажусь я доли.

Я дружбой тоже был не обделен,
 Пусть жизнь уже почти что на исходе,
 Все так же предан с юности времен
 Своим друзьям...

Да и они мне, вроде.

Передо мной сужается просвет,
 Нет страха
 перед предстоящей схваткой.
 Я знаю только то, что смерти нет...
 Пока мы живы этой жизнью краткой.

* * *

На, владей волшебной скрипкой...

Н. Гумилев

Начинается обычно
 с тихой музыки из рая...
 Сопли вытрешь и посмотришь
 в двор-колодец за окном:
 Инвалид, безногий воин,
 на шарманочке играет.

Ждет награды он от сердца:
медью, снедью, серебром.

Сидя на своей тележке,
крутит ручку "катаринки" –
Я застал еще такое...

Нету больше дураков:
Во дворе не то, что пьяных –
ни цветочка, ни былинки...
Начинается обычно
с незаметных пустяков.

К этой долбаной шарманке
меч приложен самурайский,
Но не всякому он виден,
и доступен он не всем,
Он как музыка отточен
и, видать, он тоже райский,
А достоинств самурая,
всем известно, ровно семь.

Эту скрипочку-шарманку
по совету Гумилева
Близко к сердцу брать не надо...
и ладонь не подноси.

Что случится – то случится.
Но об этом ни полслова...
Смотрит мальчик в тихий дворик...
Сколько нищих на Руси!

Вниз по лестнице истертой...
Нет еще кликухи "овощ"
Награди скорей медяшкой
инвалида-бедняка.

Прикоснулся он к шарманке.
Что ж, взгляни в глаза чудовищ!
И к точеной рукоятке
вмиг потянется рука.

Что-то было...
Нет, не вспомнить.
Пустяки...
Как сон полвека.

Ни двора уже, ни дома.
Он стоит совсем один.
Ни холодного испуга,
ни родного человека...

...Что касаясь до смерти,
мы посмотрим...
поглядим.

